

МЕНОВЩИКОВ Г. А.

# ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИХ ЯЗЫКАХ

Посредством языка как орудия общения в сознании говорящих отражаются предметы и явления материального мира в неотрывном единстве с категориями пространства и времени.

В мире зафиксировано более 2800 языков и 8000 диалектов, но нет языка или диалекта, в котором не развились бы лексические и морфологические средства (а чаще всего те и другие) для выражения пространственных и временных отношений. Можно без преувеличения сказать, что эти отношения пронизывают все главнейшие строевые стороны любого из языков мира на его лексическом и грамматическом уровнях.

В науке о языке, например, существует множество понятий в терминах, называющих не материальные объекты и явления, связанные непосредственно с категориями пространства и времени, а понятия, отражающие различные свойства абстрактного мышления. Такие понятия, как «категория», «понятийность», «логика», «грамматика», «предикативность», «атрибутивность», «номинативность», «субстантивность» и ряд других «нематериальных» понятий, возникли в результате абстрагирования. Такого рода абстракции имеют место в любой отрасли человеческих знаний.

Отвлеченные понятия, опосредованно отражающие мир вещей, пространственные и временные отношения, по-разному развивались в языках различного типа в зависимости от исторического и культурного развития их носителей. Можно считать, что абстрагирование в большей или меньшей степени присуще всем, известным ныне, языкам мира. В эскимосских языках отсутствуют, например, такое физическое понятие, как «воздух», или такие отвлеченные понятия, как «время», «воля», «идеал», «субстанция», но в нем наличествует множество отвлеченных понятий, не связанных непосредственно с миром вещей, с категориями пространства и времени, как, например, «дума», «радость», «горе», «печаль» и т. д.

Пространство и время, тесно взаимодействуя, не одинаково реализуются в языке. В целях установления формальных и семантических сходств и различий в выражении этих категорий в языке рассмотрим сначала каждую из них в отдельности на материале эскимосско-алеутских языков.

1. Категория пространства в эскимосско-алеутских языках нашла весьма многообразное выражение как лексическими, так и морфологическими средствами. Эту понятийную категорию в данной семье языков целесообразнее всего выделять такими семантическими признаками лексики, как субстантивность, дейктичность, адвербиальность и предикативность (глагольная).

1. Раздел субстантивной лексики, выражающей категориальные понятия пространства, составляют прежде всего имена предметной семантики. При этом к разделу субстантивных слов в языке относятся также отглагольные имена, обозначающие место действия или состояния, признаки и абстрактные понятия типа «место», «пространство», мыслимые как предметы, ср. имена собственно предметной семантики: *киуык* «река», *найгак* «гора», *ыснак* «берег», *тыкыгак* «мыс», *тума* «дорога», *нунак* «селение», *сулгунгак* «ущелье»; имена от глагольных основ: *итыгвик* «вход», *налугвик* «место посадки (птиц)», *қавагвик* «место сна», *ақумутақ* «место сидения, стул», *сагұа* «место рядом», *уйавақ* «место в отдалении» и др. (суффиксы *-тақ* и *-вик* придают именам значение места действия или нахождения).

Имя на «место» означает неопределенное пространство и конкретизируется в сочетании с другими словами в потоке речи.) В отдельных диа-

лектах это слово означает жилище. Собственные названия населенных пунктов — топонимы, как и названия разных географических объектов — гор, рек, озер, заливов, бухт и пр. наименования также служат целям ориентации в пространстве.

Слово *сила* (*слъа, ыслъа*) во всех эскимосских диалектах означает абстрактное понятие «пространство», а в зависимости от употребления также понятия «вселенная», «мир», «погода» и «хозяин вселенной». В бытовой речи в форме локативных падежей оно выражает конкретные понятия: «улица», «место вне жилища».

К особому разряду слов-сигналов в эскимосском языке (азиатские диалекты) относятся специальные названия морских зверей, находящихся в определенном пространстве относительно говорящего. Так, одним из основных объектов морской охоты эскимосов со времен палеолита и до нашего времени был морж. Добыча моржа на каяках и байдарках при помощи ручного гарпуна была сопряжена с большими трудностями и опасностями. В этом отношении конкретное социально значимое выражение в эскимосском языке проявилось во множестве названий зверя по признакам его положения или состояния на воде или на суше. Так, кроме родового понятия *агвык* «морж» образовались такие конкретные слова-сигналы, как *путуқақ* «морж, плывущий с опущенной в воду головой (видна спина)»; *илгастык* «спящий на воде морж, когда на поверхности виден только нос»; *аргуғақ* «морж, плывущий в западном направлении»; *аруғақ* «морж в неподвижном положении на воде»; *қаврык* «морж, плывущий в северном направлении»; *напахтақ* «спящий на воде морж столбом»; *қавалиграқ* «спящий на воде морж с откинутой назад головой»; *пулақақ* «морж, уходящий под лед»; *катықнык* «приближающийся морж»; *атханыштуқақ* «морж, долго находящийся под водой»; *сақшатуқақ* «рассвирепевший в воде морж»; *аңуақ* «резко вынырывающий для вдоха морж»; *мығитуқақ* «морж далеко от воды (на большой льдине, на суше)»; *тувағми* «морж под припаем»; *ухта* и *нунавак* «морж на льдине»; *ухсилғақ* «морж на береговом лежбище»; *аңыйығақ* «хищный морж-одиночка»; *манилгуқ* «стадо плывущих моржей»; *сумақақ* «морж, высматривающий на воде касаток (его врагов — хищных китов)»; *иглыстақ* «морж, плывущий с юга на север»; *кығымтақ* «морж, плывущий в одиночку»; *қаклыгыт* «группа моржей на льдине»; *ухсилғат* «лежбище моржей на суше»; *ирыған* «лежка моржей на льдине».

Достаточная информативность таких локативных названий зверя в том, что они конкретно передают как статическую, так и динамическую пространственную соотношенность объектов. В этих же целях слов-сигналов во время морской охоты употребляются возрастные названия зверей, как *ункувак* «годовалый морж»; *ункувагақ* «двухгодовалый морж»; *ункувагацпак* «молодой морж с короткими клыками», *миксағақ* «морж со средними клыками», *миксағацпак* «морж с большими клыками»; *аңтухпак* «старый морж». Такие лаконичные названия зверя в различном положении или состоянии его употреблялись охотниками в качестве краткого кода в целях мгновенной ориентации охотника в пространстве в процессе промысла. В сочетании с указательными местоимениями (см. ниже) подобные знаковые сигналы с предельной результативностью служили человеку ориентирами в пространстве в процессе его действий и отношений с предметами окружающего мира.

Имена типа *тахталаңа* «длина», *иқытутала* «ширина», *усқахтутала* «глубина» и «высота», *аңыхтутала* «величина», *умутутала* «толщина» означают абстрагированно-обобщенные признаки пространственных понятий. Между тем имена атрибутивного значения типа *усқалғи* «глубокий, высокий», *умулғи* «толстый» (о плоских предметах), *ыслыгулльалғи* «толстый» (о круглых предметах), *амыстағақ* «тонкий» (о круглых предметах), *угмыстағақ* «тонкий» (о плоских предметах), *ықытуғақ* «широкий», *такылғи* «длинный», *такыстағақ* «короткий», *ахқыстағақ* «низкий» и др., образованные от тех же и подобных им основ, употребляются в языке в сочетании с определяемыми ими словами и обладают, следовательно, более конкретным лексическим содержанием, характеризуя качественно-пространственные признаки предмета.

Место и направление движения предмета в пространстве в эскимосском языке посредством имен выражается тремя основными способами: 1) именами предметной семантики в форме локативных падежей; 2) особой группой имен пространственной ориентации, употребляемых как в функции независимых слов, так и в функции отыменных послелогов; 3) большой серией указательных местоимений.

Категория пространственной ориентации, выражаемая формами локативных падежей, получила в эскимосском языке, во всех его территориальных частях широкое развитие. Из семи падежей два (абсолютный и относительный) выражают преимущественно субъектно-объектные отношения, один (сравнительный) выполняет функции уподобления и четыре падежа (творительный, дательно-направительный, местный и продольный) — локативные функции [1, I, с. 125—171].

Локативные падежи указывают на положение предмета в пространстве, конкретизируя направленность действия на объект, от объекта, из объекта, в объект, к объекту, по объекту, или нахождение объекта на или в другом объекте, ср.: *аңйақ* «байдара» > *аңйамун* «к байдаре», *аңйа* «на байдаре», *аңйакун* «по байдаре». В зависимости от семантики глагола одна и та же падежная форма имени может выражать разные функциональные значения, например: *Иук анақуқ аңйадың* «Человек выходит из байдара»; *Иук тағиқуқ гуйгумун аңйадың* «Человек идет домой от байдара»; *Иугым усиңизақа уси аңйадың* «Человек выгружает груз из байдара» (*аңйадың* твор. п. от *аңйақ* «байдара»). Подобные смысловые разновидности выражения пространственных отношений одной и той же формой падежа присущи в той или иной мере и всем другим локативным падежам эскимосского языка.

В эскимосском языке имеется особая группа имен пространственной ориентации, которая в притяжательном сочетании с именами предметной семантики употребляется в функции послелогов. Вместе с тем в позиции определяемых слов эти имена сохраняют субстантивное значение. К группе имен пространственной ориентации относятся *сиву* «пространство впереди», *сағуқ* «пространство рядом, около», *қақақ* «середина», *қула* «верх», *қайа* «поверхность», *асиқ* «низ», *илу* «путро», *иңлу* «бок», *киңу* «пространство позади», *аўата* «пространство за чем-л.», *аңтала* «величина», *ақула* «пржежуток», *кылла* «предел, грань», *туңа* «сторона чего-л.», *тунута* «пространство в тыльной стороне», *ыслъата* «наружное пространство», *кылта* «северная сторона» (всего 18 слов; возможно, учтены не все).

В субстантивной функции эти имена употребляются редко, поскольку они лишь абстрактно выражают предметно-пространственное значение, как в предложениях: *Пага кылта қуйңиштупиштук* «Там северная сторона оленей-много-имеет»; *Уйатуқақ иңлу пыгным алтақуқ* «Дальняя сторона еле виднеется»; *Хўаңкута қунпың уқмаңизақахпун увита* «Мы постоянно очищаем окружающую-местность» и т. д.

Однако наиболее продуктивно отмеченная группа имен пространственной ориентации в языке выступает в функции второго члена притяжательного сочетания с именем предметной семантики, выполняя служебную функцию послелога. При таком сочетании именной послелог принимает на себя все падежные формы, а управляющее им имя сохраняет единую форму относительного (Relative) падежа, ср.:

|            |                                                             |
|------------|-------------------------------------------------------------|
| Абс.       | <i>найғам сағўа</i> «дома около-него»                       |
| Отн.       | <i>найғам сағўан үйзақ</i> «дома около-него камень»         |
| Твор.      | <i>найғам сағўаның</i> «дома от-близости-его»               |
| Дат.-напр. | <i>найғам сағўанун</i> «к дому» («дома к-близости-его»)     |
| Местн.     | <i>найғам сағўани</i> «у дома» («дома около-него»)          |
| Прод.      | <i>найғам сағўакун</i> «дома около» («дома у близости-его») |
| Сравни.    | <i>найғам сағўатун</i> «дома подобно-близости-его»          |

При сочетании имени предметной семантики с именем пространственной ориентации, как видно из парадигмы, даже нелокативные падежи (абс., отн., сравн.) выполняют локативные функции [1, I, с. 205—223].

Из 18 имен пространственной ориентации, характеризующих нахождение предмета в определенном пространстве, 3 имени — *кукаҕ* «середина», *киңу* «пространство позади» и *кыһла* «предел, грань» в зависимости от контекста могут выражать значения пространственной и временной соотнесенности, ср.: *аҕйам кукани* «байдары на-середине-ее» и *аҕныҕым кукани* «дня посреди-его, в полдень»; *гуйгум киңуҕани* «дома позади-его, за домом» и *Матын илама киңуҕаның кәсимаҕа* «сегодня товарища моего после-него пришел-я»; *гуйгум кыһлаңанун* «дома до предела-его, до дома» и *уксум кыһлаңанун* «зимы до предела-ее, до зимы» и т. д.

Имена пространственной ориентации в функции послелогов, выражая отношение к пространству или времени первых и вторых лиц, получают соответствующее лично-притяжательное и падежное оформление, в результате чего они приобретают лексическую и грамматическую автономность, не согласуясь с другими словами, ср.: *киңу* «пространство или время позади», отсюда послеложные сочетания типа *гуйгум киңуҕани* «дома позади-его», *гуйгум киңуҕанун* «к дома задней-части-его» и т. д., а в отношениях этого же слова пространственной ориентации в функции послелога с первыми двумя лицами образуются лично-притяжательные формы, замкнутые самим послеложным словом и с полной информативностью выражающие отношение лица к пространству или времени, ср.: *киңу-в-ның* «после-тебя» (-в- — 2-е л., -ның — твор. п.), *киңу-м-нун* «за мной» (-м- — 1-е л., -нун дат. -напр. п.), *сиву-ҕси-ни* «перед вами» (-ҕси- — 2-е л. мн. ч., -ни — мест. п.) и др. От каждого имени пространственной ориентации, употребленного в функции послелога с 1 и 2-м лицом субъекта, образуется ровно столько же лично-притяжательных и падежных форм, сколько таких форм от имен предметной семантики. Следовательно, понятие «послелога» для эскимосского языка представляется неадекватным такому понятию о послелогах — неизменяемых служебных словах, наличествующих в ряде языков других систем.

Отсутствие в отдаленно родственном эскимосскому алеутском языке локативных падежей компенсируется наличием и функционированием в нем большого количества отыменных послелогов, выражающих (более чем в эскимосском) многообразные аспекты пространственно-временных отношений. К таким отыменным послелогам в языке алеутов о-ва Беринга относятся: *аҕаңан* (и *һамаҕан*) «позади, за»: *улам аҕаңан* «за домом» (ср. однокорневой эскимосский послелог *аҕатаңани* «позади, за»); *аңадан* «посреди»; *аңтан* «позади»; *тудған* (и *аслаган*) «во время»; *һадан* «к, по направлению к чему-л.»; *икаңан* «за что-л.»; *илаган* «от, по сравнению с»; *илан* «в, у»; *истан* «вдоль, по»; *кадан* «перед, впереди»; *каңаган* «с, сверху»; *каңан* «на, наверху»; *куган* «на, на нем, по»; *кудуган* «между»; *куңин* «на, сверху»; *қусан* «над»; *һаган* «в, изнутри, внутри»; *һан* «в, к, для»; *сиңиган* «внутри»; *ситкан* «под»; *ситкаган* «из-под»; *чидаган* (и *чилаган*) «над» (всего 23 послелога; вполне вероятно, что зафиксированы не все).

Послелогии в сочетании с именами предметной семантики образуют двучленную притяжательную конструкцию, первым членом которой выступает имя в форме относительного падежа беспритяжательной или притяжательной формы (суф. -м), вторым членом — послелог в лично-притяжательной форме, ср.: *улаҕ* «дом» > *улам һадан* «к дому», *улан һадан* «к его дому», *улан һадан* «к моему дому», *уламин һадан* «к твоему дому», *улас һадиңин* «к их домам», *уламчих һадиңин* «к вашим домам», *уламас һадан* «к вашему дому» и т. д.

Послелогии лично-притяжательных форм 1 и 2-го лица типа *һади́мин* «ко мне», *һади́мас* «к ним», *һади́мис* «к тебе», *һади́мчих* «к вам» приобретают большую лексическую и функциональную автономность, поскольку они своей личной формой без сочетания с другими словами выражают отношение лица к пространству [2].

2. К р а з р я д у д е й к т и ч е с к и х с л о в, характеризующих многосторонние аспекты пространственной и временной ориентации в эскимосско-алеутских языках, относится прежде всего р а з р я д у к а

з а т е л ь н ы х м е с т о и м е н и й, число которых в отдельных языках и диалектах этой языковой семьи от 20 до 25 слов. Если учесть, что в зависимости от числа определяемых в пространстве объектов каждое из местоимений может получить форму двойственного и множественного числа, то количество их увеличится в три раза, т. е. достигнет от 60 до 75 слов [1, I, с. 257—272; 2].

Дейктическое свойство этой группы слов пространственно-временной ориентации заключается в способности их указывать на нахождение объекта в пространстве в состоянии статичности или динамичности. Указательные местоимения ориентируют субъекта действия на нахождение объекта в его разных направлениях по вертикали и горизонтали, в примерном расстоянии от субъекта действия, в состоянии покоя или движения. В эскимосском языке к разряду указательных местоимений относятся следующие слова: *тана* (дв. *такук*, мн. *такут*)<sup>1</sup> «этот рядом», *туна* «этот близкий», *игна* «тот в отдалении», *мана* «тот в окружающей местности», *кана* «тот у выхода, у воды, на воде, в кругу», *пикна* «тот выше, на возвышенности, в стороне от моря», *укна* «тот, приближающийся», *агна* «тот, проходящий стороной, удаляющийся», *икна* «тот на другой стороне, за оврагом, за рекой, за проливом», *кагна* «тот снаружи», *угна* «тот у выхода, у порога», *пагна* «тот внутри страны, далеко от берега», *уныгна* «тот на берегу, на горизонте, ниже говорящего», *памна* «тот наверху, на горе, позади», *самна* «тот под низом, в сенях, на южной стороне», *амна* «тот за пределом, невидимый, но известный», *какымна* «тот снаружи» (несколько ближе, чем *кагна*), *камна* «тот внутри», *имна* «тот невидимый, неизвестный, тот в прошлом», *пакымна* «тот на возвышенности», *пигна* «тот недалеко позади», *акымна* «тот, на другой стороне, невидимый» и др.

Аналогичная картина функционирования не меньшего количества указательных местоимений отмечается и в алеутском языке, в котором в отличие от эскимосского не получила развития система локативных падежей и все функции ориентирования в пространстве (частично — во времени) приняли на себя эти слова дейктической семантики.

Как и в эскимосском, в алеутском языке указательные местоимения образовались от первичных непроеизводных основ дейктической семантики посредством компонента *-н*, усекающегося в формах дв. и мн. числа. В языке алеутов о-ва Беринга в 1963 г. нами зафиксированы следующие указательные местоимения: *йан* (дв. *йакух*, мн. *йакус*) «этот рядом, известный», *ицан* «тот близкий, видимый», *укан* «тот близкий, невидимый», *акан* «тот дальний, плохо видимый», *уман* «тот невидимый», *хакан* «тот верхний, на горе», *садан* «тот снаружи», *аматхан* «тот дальний», *сакан* «тот нижний, у моря, под чем-л.», *икун* «тот недалекий, видимый», *ацан* «тот, движущийся мимо, стороной», *хаман* «тот невидимый, далекий по месту или времени», *хакун* «тот повыше» (но ниже *хакан*), *укан* «тот внутри чего-л.», *удан* «тот лежащий вблизи», *қикан* «тот в сенях, за порогом», *қакун* «тот впереди», *аган* «тот на другой стороне, за рекой, за оврагом», *икан* «тот в другом месте», *аман* «тот за пределом страны, на другой земле».

Формы дв. и мн. числа алеутских указательных местоимений образуются посредством формантов *-кух*, *-кус*, при этом формант *-н* усекается, ср.: *какун* «тот впереди» > *какукух* дв. ч. > *какукус* мн. ч.

Представляется вероятным, что разряд дейктической лексики эскимосско-алеутских языков, на что указывают этимологии ряда указательных местоимений, возник еще в период гипотетической территориальной общности протоэскимосо-алеутов. Так, например, адекватными по лексическому значению и морфологической структуре предстают такие местоимения, как эск. *игна* (дв. *ицкук*, мн. *ицкут*) «тот близкий, видимый»; ал. *ицан* (дв. *ицакух*, мн. *ицакус*) «тот близкий, видимый»; эск. *самна* (*самкух*, *самкут*) «тот внизу, у моря, под горой», ал. *сакан* (*сакакух*, *сакакус*) «тот внизу, у моря, под горой»; эск. *агна* (*ажкух*, *ажкут*) «тот, движущийся стороной», ал. *ацан* (*ацакух*, *ацакус*) «тот, движущийся стороной»;

<sup>1</sup> Дв. и мн. число всех указательных местоимений образуется по единой модели, поэтому остальные даются только в ед. числе (подробнее см. [1, I, с. 259—260]).

эск. *икна* (*икыхжук*, *икыхжукт*) «тот, на другой сторон», ал. *икун* (*икужук*, *икукус*) «тот, на другой стороне»; эск. *амна* (*амжук*, *амкус*) «тот невидимый, далекий» и др.<sup>2</sup>

Необычайно широкий диапазон функций прономинальных слов в эскимосско-алеутских языках свидетельствует о социальной обусловленности их в том плане, что они характеризуют предельную конкретизацию отношений между мыслящим субъектом и предметами в пространстве и времени. Условия существования охотничьих племен на краю Ойкумена — обитаемой земли на оконечности Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки — требовали от человека быстрой и безошибочной ориентации в пространстве, в обнаружении объекта добычи или направления движения к объекту. Чрезвычайная детализация ориентации в пространстве посредством прономинальной лексики облегчала целесообразные действия древних охотников. Необходимость указания на предметы по признакам их удаленности от говорящего, по степени видимости и невидимости, наличию или отсутствию, приближению или удалению объекта обуславливалась смысловой емкостью речевых сигналов — указательных слов.

После разделения протоэскимосов и протоалеутов и в результате ослабления, а затем и отсутствия регулярных языковых контактов между этими племенами развитие способов для обозначения пространственно-временных и других коммуникативных отношений и связей в них пошло разными путями: эскимосский язык в совокупности его взаимодействовавших диалектов развил единую систему локативных падежей, сохранив в то же время серии отыменных послелогов и наречий места, тогда как алеутский язык с его диалектными разновидностями для выражения тех же отношений использовал значительное число отыменных послелогов, образовавшихся, как и в эскимосском, от первообразных имен пространственно-временной ориентации, но которые постепенно утратили в нем независимое лексическое значение.

3. К р а з р я д у д е й к т и ч е с к о й л е к с и к и, образовавшейся в эскимосском языке в большинстве случаев от тех же первообразных корневых морфем, что и указательные местоимения, относятся н а р е ч и я м е с т а, также указывающие направление или положение предмета в пространстве. Различие между указательными местоимениями и наречиями места, образующимися от одних и тех же непроеизводных основ дейктической семантики, в том, что указательные местоимения ориентируют на предмет, находящийся на определенном направлении или месте в пространстве, а наречия — только на направление или место в пространстве, т.е. вместо понятий «этот», «тот» в определенном месте понятия «здесь», «там» в том же определенном месте.

От 24 непроеизводных основ дейктической семантики, которые в неформальном виде употребляются в языке также в значении и наречий места, и имен пространственной ориентации, посредством суффиксов *-вык*, *-кын*, *-ни* дополнительно образуется еще 72 наречных слова, что составляет в общей сложности 96 слов. Если учесть, что от этих же 24 первообразных наречно-именных основ образуется еще такое же количество указательных местоимений посредством форманта *-на*, то количество указательных слов выразится цифрой 120. Кроме того, каждое указательное местоимение изменяется еще и по дв. и мн. числу, что увеличивает число однокорневых слов от этих непроеизводных основ до 40. Таким образом, от 24 таких основ производится 168 словоформ (включая непроеизводные основы). Ср. образец: *ника* «то верхнее место» (имя), «там наверху» (наречие), *никна* «тот наверху» (местоимение), дв. *нихжук*, мн. *нихжукт*, *никавык* «туда наверх» (наречие), *ныхжыкын* «оттуда сверху» (наречие), *никани* «там наверху» (наречие).

К первой группе наречий места в эскимосском языке относятся непроеизводные дейктические слова наречно-именной семантики типа *ага* «то место в удалении» (имя) и «там в удалении» (наречие), от которых

<sup>2</sup> Все остальные местоимения в дв. и мн. числе принимают аналогичные формы.

образовались производные формы с суффиксами *-вык*, *-кын*, *-ни* (см. выше): *агавык* «оттуда из удаления», *ахкын* «туда в удаление», *агани* «там в удалении». По этой же модели образовались все другие наречия места от непроизводных основ типа *акыма* «там на другой стороне», *ина* «там в отдалении», *қага* «там снаружи» и т.д. — всего 96 наречий, включая непроизводные [1, I, с. 211].

Ко второй группе наречий места относятся наречия, образованные от имен пространственной ориентации посредством суффиксов локативных падежей и (ограниченно) форм субъективной оценки, ср.: *асивани* «внизу», *асиваның* «снизу», *уйавани* «вдали», *уйаванун* «вдоль», *қантағани* «вблизи», *сивутми* «вперед», *уйаварығаған* «далеконько», *қантағарығаған* «близенько», *асиварығаған* «низенько» и т.д.

Наречные слова, образовавшиеся от имен пространственной ориентации посредством форм локативных падежей, в значительной степени утратили именную семантику и в современном эскимосском языке стали употребляться преимущественно в адвербиальном значении.

4. Предикативность как понятийная категория, характеризующая пространственную ориентацию действия субъекта, в эскимосском языке широко реализуется в глагольных словоформах, означающих 1) различные типы движения к предмету, из предмета, на предмет, вниз, вверх, в направлении на стороны света; 2) движение с целью обладать предметом; 3) движение с целью совершить действие, названное основой слова; 4) совершение субъектом речи действия на означенном месте; 5) нахождение субъекта на месте, означенном производящей основой слова.

К первой группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы от непроизводных основ, в семантике которых заложены значения направления движения в определенную сторону, ср.: *агулақақуқ* «уезжает, удаляется»; *аглақақуқ* «идет (в пределах ограниченного пространства, населенного пункта)»; *иглыхтақуқ* «ходит, передвигается» (на определенном месте или на чем-л.); *тагиқуқ* «приходит»; *катақуқ* «приближается, подъезжает»; *итхақуқ* «входит», *анақуқ* «выходит»; *укигақуқ* «спускается с горы»; *маюғақуқ* «поднимается в гору»; *атхағақуқ* «идет, спускается на берег»; *тағлагақуқ* «идет от берега, идет от низменности к возвышенности» (например, «от берега в поселок, от поселка в тундру» и т.д.); *угатмихтақуқ* 1) «идет от жилища в другое жилище», 2) «идет от одного пункта к другому», 3) «идет от полога, выходит из полога»; *айгуғақуқ* «идет в северную сторону»; *сакмавытақуқ* «идет в восточную сторону»; *ухқақуқ* «идет в южную сторону», *акимихтақуқ* «идет в западную сторону»; *пиуақуқ* «идет по направлению к говорящему»; *киўатмихтақуқ* «идет за поселком, за жилищем»; *кытмихтақуқ* «идет в сторону поселка» и т.д. Значительная часть глаголов движения в пространстве образуется от именных основ, означающих место в пределах населенного пункта, жилища или названий частей света, как *киўан* «место позади жилища», *уган* «место около выхода из жилища», *кыта* «место в стороне от жилища» и т.д. Глаголы движения в населенный пункт, как и глаголы нахождения в данном пункте, при этом образуются от названий данного пункта, ср.: *Имтук* — назв. селения, отсюда производный от него глагол *имтуктақуқ* «он идет или идет в Имтук», *имтукмытақуқ* «он находится в Имтуке». Отыменные глаголы движения, образованные от имен пространственной ориентации, в эскимосском языке изменяются по всем грамматическим категориям, присутствующим глаголам *verba finitum* [1, II, с. 31].

К этой же группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы состояния от основ типа *ицахта* «лежать», *ақума* «сидеть», *ныкыға* «стоять» и под.

Ко второй группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы движения с целью обладать предметом (взять или принести предмет), названным производящей основой данной глагольной словоформы, ср.: *илаңқуқ* «лед» > *илаңқуқуақуна* «за-льдом-иду-я»; *аңуагун* «весло» > *аңуагуткыақуна* «за-веслом-иду-я»; *игнык*

«сын» > *иҕныҕҕыаҕуҕа* «за-сыном-иду-я» (в смысле «принести лед», «принести весло», «привести сына»).

Глаголы этой группы образуются от именных основ посредством суф. *-ҕыа/-ҕу* [1, II, с. 31].

К третьей группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы цели движения. Движение происходит ради того, чтобы совершить действие, семантически выраженное производящей основой данной глагольной словоформы, ср.: *ҕынҕаҕ-* «работать» > *ҕынҕаҕыаҕаҕуҕа* «работать-иду-я», *уҕина-* «рассказывать» > *уҕинасаҕтуҕаҕуҕ* «рассказывать идет он».

Глаголы данной группы образуются посредством суф. *-йа/-саҕту* как от глагольных, так и от именных основ, ср.: *ныҕсаҕ* «нерпа» > *ныҕсаҕйаҕтуҕа* «нерп-промышлять-ушел-я», но *наҕа-* «слушать» > *наҕасаҕтуҕаҕуҕа* «послушать-иду-я».

К четвертой группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы действия или состояния, указывающие на место совершения действия. Образуются такие глаголы от имен с суф. *-вик/-фик*, придающим словам значение места действия, ср.: *кийаҕ-* «жить» > *кийаҕфик* «место жительства» > *кийаҕфикаҕуҕ* «живет-в-данном-месте», но *кийаҕтаҕуҕ* «живет»; *иҕлыҕа-* «сдвигать с места» > *иҕлыҕвик* «место, на котором сдвигают что-л.» > *иҕлыҕеикаҕа* «пододвигает что-л. к чему-л.»; *лҕыҕ-* «класть что-л.» > *лҕивик* «место поклажи» > *лҕивикаҕа* «кладет что-л. на что-л.» и т. д. [3, с. 79].

К пятой группе глаголов пространственной ориентации относятся отыменные глаголы, означающие нахождение субъекта речи на месте, названном производящей именной основой глагола, ср.: *аҕйаҕ* «байдара» > *аҕйаҕи* «в байдаре» > *аҕйаҕыкаҕуҕ* «в-байдаре-находится-он»; *стол* > *столами* > *столамиҕаҕуҕ* «на-столу-находится он», *мыҕ* «вода» > *мыҕи* «на воде» > *мыҕытаҕуҕ* «на-воде-находится-он» и т. д.

Отыменные глаголы данной группы образуются от имен в форме местного падежа (суф. *-ми/-ни*). От имен в форме других локативных падежей отыменные глаголы не образуются [1, II, с. 33].

**II. Категория времени.** Время, наряду с пространством, является одной из основных форм существования материи. Материалистическое понимание времени сложилось и победило в борьбе с идеалистической философией, считавшей время порождением индивидуального сознания.

С точки зрения философской время как объективно существующая реальность в своей протяженности (течении) необратимо. В отличие от трехмерного измерения, свойственного пространству, оно имеет лишь одно измерение — от прошлого к будущему. Время, как и движущаяся материя, бесконечно. У него нет начала и конца. Вместе с тем время обладает такими свойствами, как непрерывность, однонаправленность (от прошлого к будущему), упорядоченность (моменты времени следуют один за другим в определенном линейном порядке).

Астрономическое время измеряется при помощи какого-либо периодического процесса, который может повторяться неоднократно с одинаковой продолжительностью от секунд, минут, часов, суток, недель, месяцев, лет и т. д.

Особенности отображения и языкового обозначения временных циклов (как и пространственных значений) связаны с картиной мира, которая меняется в зависимости от стадии исторического развития той или иной локальной группы носителей конкретного языка, в зависимости от уровня познания ими действительности.

Так, например, у эскимосов представления о временных циклах начались, по-видимому, с деления суточного времени на утро, день, вечер, ночь, но сам суточный цикл не выделялся и, следовательно, не назывался. Понятие о суточном цикле связывалось с понятием сна или ночевки («одна ночевка», «две ночевки» и т. д.). За суточными циклами следовали месячные циклы, названия которых основывались на сезонных занятиях каждого племени, зависящих от определенных экологических условий. Вместе



с тем число месячных циклов почти совпадало с лунными циклами: у разных территориальных групп было от 12 до 13 названий месячных циклов. Родового понятия «время», а следовательно, и соответствующего слова для этого понятия в эскимосском языке не было.

Далекие предки современных эскимосов, как и других народов мира на разной ступени развития, свои представления о смене времен года и делении года на месячные циклы практически связывали с многовековыми наблюдениями над сезонными изменениями в природе, от которых зависели условия их жизни и хозяйственной деятельности. В основе этих сезонных изменений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл — зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы), это нашло конкретное отражение в языке.

Весьма характерно, что первичные (непроизводные) названия временных циклов в эскимосских языках относятся только к названиям времен года и суточных циклов. Слова *уксуқ* «зима», *улынғақ* «весна», *кйк* «лето», *укақ* «осень», а также *ағнық* «день», *иғивгақ* «вечер», *унук* «ночь», *унақ* «утро» не этимологизируются. Годичный цикл определяется тем же словом, что и «зима» (*уксуқ*).

Между тем названия эскимосских месяцев, в отличие от названий времен года и суточных циклов, хотя и были связаны с лунными циклами, оказались производными и соотносятся непосредственно с изменениями географических, климатических и хозяйственно-бытовых условий жизни людей в полярной зоне. У разных территориальных групп азиатских эскимосов в названиях месяцев отразились такие мотивы, как представление об убывании или удлинении дней, наблюдения над повадками животных и птиц, виды занятий людей в зависимости от временных циклов (летняя и зимняя охота, собирательство), наблюдения над явлениями природы. Так, например, месячный цикл, по времени совпадающий с григорианским августом, у науанских эскимосов носит название *сиқл'ағвик* «время мотыги», т. е. «время добывания съедобных корней», а у чаплинских эскимосов этот же месячный цикл имеет название палигвик «время увядания трав», у сиреникцев — *туқығых* «время прокалывания скорлупы», т. е. «время рождения птиц» и т. д. (подробнее см. об этом в [4]).

О. Есперсен справедливо отмечает, что кроме грамматического времени, присущего глагольным словам, время нередко выражается в других частях речи, и этот способ обозначения времени часто бывает более точным, чем всякое обозначение времени с помощью глагольных форм, например, «3 февраля 1929 года в 23 часа 30 минут» [5, с. 297].

Категория времени, как и категория пространства, выражается в эскимосско-алеутских языках в понятийных категориях субстантивности, дейктичности, адвербиальности, предикативности.

1. К субстантивной лексике, выражающей временные представления, относятся все названия годовых («весна», «лето», «осень», «зима»), месячных [см. 4] и суточных («утро», «день», «вечер», «ночь») циклов, отдельные имена пространственной ориентации, которые в зависимости от контекста речи могут выражать понятия временных отрезков, имена — названия сезонных занятий (например: *муғун'ыл'тық* «пора зимней морской охоты», *муғусу'хал'тық* «пора ранней зимней морской охоты»), имена в форме локативных падежей, указывающие на время действия [см. 1, I, с. 142, 155 и др.]. К этой же категории лексики относятся имена пространственно-временной ориентации типа *киңу* «место позади, время позади», *кылла* «предел в пространстве или во времени», а также имена типа *тазим'кақтақ* «давнийший», *нығиқ* «древность», *има* «далекое прошлое» и «далекое пространство». Слово *қукақ* «середина» в притяжательном сочетании с именами временных циклов выражает понятия половины отрезка времени (*унугым қука* «ночи середина, полночь»). Производные формы слов от основ, обозначающих различные временные циклы, образуют слова со значением протяженности во времени, ср.: *ағнық* «день» > *ағныл'қусиқ* «целый день», *уксуқ* «зима» > *уксул'қусиқ* «целая зима» и т. д.

2. К именам дейктической семантики, означаю-

щим нахождение объекта в отдаленном пространстве или события в далеком прошлом, в эскимосском языке относится указательное местоимение *имна* «тот далекий, невидимый» и «то в прошлом», в алеутском в этом же значении — местоимение *хаман*. Другие указательные местоимения, отмеченные выше, употребляются в этих языках преимущественно для указания на нахождение объекта в пространстве.

Всякое действие в его широком понимании, будь то движение, состояние, целенаправленное действие или другие семантические его разновидности, совершается во времени и пространстве. В языке понятийная категория действия материализуется главным образом в глагольных словоформах.

3. Глагольная предикативность проявляется как функционально-грамматически, так и аспектологически. Категория грамматического времени, как известно, выражает отношение действия к моменту речи. Отсюда — три основных категории грамматического времени: прошедшее, настоящее и будущее. В эскимосском языке выделяется пять грамматических времен: прошедшее близкое, прошедшее отдаленное, настоящее, будущее близкое, будущее отдаленное. Прошедшие времена соотносят действие с прошлым, настоящее — с моментом речи, будущие — проецируют действие на последующие периоды от момента речи. Каждое из пяти времен имеет присущие только ему морфологические показатели, ср.: наст. *кыпхагакуңа* «я работаю», бл. прошл. *кыпхаттуңа* «я только-что работал», прош. *кыпхамаңа* «я работал», бл. буд. *кыпхагнакуңа* «я сейчас буду работать», буд. *кыпхалъыкуңа* «я буду работать».

К грамматическим формам глагола, выражающим временные отношения, относятся также глаголы зависимого действия — деепричастия, которые в составе сложных синтаксических структур обозначают по отношению к главному действию предшествующее, одновременное, условно-ограничительное и предположительное действия, ср.: *Мылуглуңа, анакуңа* «Закурив, выхожу-я»; *Тагийавык, кыпхамаңа* «Придя-ты, работал-я» («Когда ты пришел, я работал»); *Туқлұғыснағайамың, тағламалғи* «Как только позвали они (позвав-они), пришел он»; *Қаваныңны, кыпхағйа-ғакуңа* «Когда ты засыпаешь, я иду работать»; *Аңйағнақамта, унаңу-пихъуку тағтумакут* «Собираясь-охотиться, рано проснулись мы»; *Агламағма, сумызтағалъыкуңа* «Идя, думать буду я»; *Тагискувңа, пий-алъыкуңа ылъысинун* «Если отведишь (домой) меня, (тогда) пойду к вам»; *Тагинайукама, мыңтығазминка куйамалғит* «Ожидая что вернусь, домашние мои радовались»; *Итхағвагилавык, нықықуалъығатын складмун* «Пока не уехал ты, за мясом сходи в склад» и т. д. [I, II, с. 136—177].

Важное значение для выражения понятийной категории времени имеет категория а с п е к т у а л ь н о с т и. В эскимосском языке существует более 20 глагольных форм, выражающих различные способы темпорального протекания действия. Каждая из таких форм глагола означает соотношенность действия не с грамматическим временем, а со временем длительности, временной протяженности действия, что реализуется в таких соположениях, как начало и прекращение действия, однократность — многократность, предельность — неопределенность, постоянность — периодичность и повторность, ускоренность — замедленность, длительность — краткость, интензивность — неинтензивность действия и т. д., ср.: *тагиллағасималғит* «приходить-начали-они» ∞ *тагинанисималғит* «приходить-прекратили-они»; *стайкуқ* «катится» ∞ *стагагакуқ* «катается»; *қавақажтуқ* «вдруг-заснул» ∞ *қавақтагакуқ* «долго-засыпал»; *аглакуға-куқ* «постоянно-ходит» ∞ *аглалағигакуқ* «редко-ходит» ∞ *агламатаға-куқ* «повторно-ходит»; *агларалкигакуқ* «быстро-ходит» ∞ *аглақыстаға-куқ* «медленно-ходит»; *кыпхатпихтагакуқ* «в-темпе-работает» ∞ *кыпхав-рыгагакуқ* «едва-едва-работает» и т. д. [I, II, с. 37 и сл.].

К этой же категории следует отнести некоторые глаголы модельной оценки действия (например, «намереваться»).

Грамматическую категорию времени и лексико-семантическую категорию темпоральности объединяет общая понятийная кате-

г о р и я — в р е м я. Однако в языке эти временные категории выражаются независимо одна от другой, поскольку любой глагол, означающий тот или иной способ протекания действия во времени, указывает лишь на его темпоральность, на конкретные отрезки действия во времени, тогда как грамматическое время репрезентирует действие в обусловленные моменты в прошлом, настоящем или будущем. Поэтому все без исключения глаголы изменяются по всем временам, сохраняя в своей морфологической структуре те или иные показатели темпоральности (например, замедленности, быстроты, повторности действия и т. д.).

4. К а т е г о р и я в р е м е н и, как и категория пространства, выражается также наречиями, модальными словами, частицами и союзами, способствующими переходу глаголов из плана одного времени в план другого. Эти группы адverbиальной и служебной (периферийной) лексики — наряду с другими лексическими и морфологическими средствами многопланово выражают категорию темпоральности, являющуюся неотъемлемым членом суждения.

К наречиям времени относятся такие слова, как *матын* «теперь», *матыһинаҥ* «только-что», *матыҕуаку* «через некоторое время», *матын илаҥани* «однажды», *илаҥани* «иногда», *ҕаку* «когда», *ҕавҕаҕ* «давно», *ҕавҕаҕаҕ* «недавно», *катамсаҕа* «моментально», *нунмайк* «медленно», *алаҕраҕ* «непрерывно», *ҕантаҕани* «скоро» (также «близко»), *ҕунпыҕ* «всегда, вечно», *суна* «вдруг», *аҕныҕу* «днем», *кику* «летом», *унуку* «ночью» (от всех названий временных циклов посредством суф. -*ҕу/ку* образуются наречия: *упынҕаҕ* «весна» > *упынҕаҕу* «весной» и т. д.) и др.

К разряду модальных слов, частиц и союзов, которые в зависимости от контекста часто замещают друг друга, относятся такие, как *лураҕ* «может быть», *уйынтаку* «стоп, обожди», *йесам* «вероятно», *ҕынйат* «наконец, уже», *гаймаҕи* «пожалуй», *итык* «прежде чем», *миуын* «возможно», *панинаҕ* «все же», *тайа-лэу* «только-что», *лыган* «как только», *нутым* «уже», *ики* «пока не», *ҕакима-лэу* «чуть было», *тахкын* «потом, затем, и», *иуын* «когда, если», *налиҕмыҕ* «или-или» и др.

Следовательно, пространство и время как взаимодействующие и основные формы существования материи в эскимосско-алеутских языках, как и в других языках мира, находят многостороннее отражение в лексическом составе и грамматических формах.

Категории пространства и времени особенно разнообразно в исследуемых нами языках выражаются посредством дейктических слов, а именно — первообразных указательно-наречных слов и образовавшихся от них больших серий указательных местоимений, а также наречий места и времени. Категории пространства и времени, кроме того, находят свое выражение в серии особой группы имен пространственной ориентации и образовавшихся от них именных послелогов. Пространство и время многосторонне отражаются также в именной, глагольной и адverbиальной лексике, что выше было проиллюстрировано на конкретном языковом материале.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Меновицков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I. М.—Л., 1962; Ч. II. Л., 1967.
2. Меновицков Г. А. О двух аспектах выражения пространственных отношений в алеутских языках.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
3. Емельянова Н. М. Классы глаголов в эскимосском языке. Л., 1982.
4. Меновицков Г. А. Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов.— В кн.: Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1968.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.